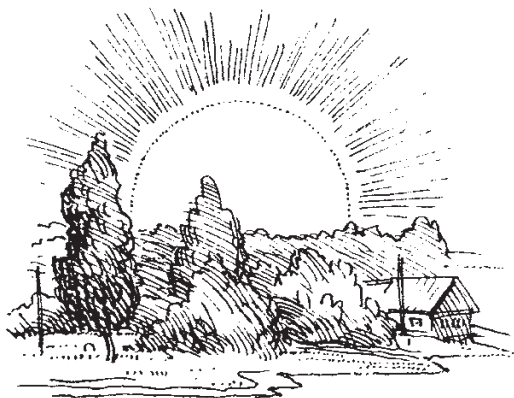

Владислав Бахревский

С МОЕГО КРЫЛЕЧКА — РЕЧКА

*Повесть для детей младшего
и среднего школьного возраста*

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ
МОСКВА • 2008

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

Бахревский В. А.
Б 306 С моего крылечка — речка. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. — 216 с.

Наш автор Владислав Бахревский – знаменитый современный писатель, обладающий непревзойденным даром слова и талантом удивительно тонко чувствовать детскую душу. Герои повести Женя и Женька становятся друзьями не разлей вода. Они вместе находят и восстанавливают разрушенный храм, вместе раскрывают тайны и загадки природы, вместе переживают первую Исповедь и Причастие.

Книга окажется полезной и интересной всем детям, стремящимся узнать новое, ищущим тайны и умеющим хранить секреты. Страницы повести – это кладёшь уроков честности, прощения, доброты, мужественности, скромности и любви. Любви к Богу и друг к другу!

© Издательский Совет Русской
Православной Церкви, 2008
© Бахревский В. А., 2008
© Васильев Н., иллюстрации, 2008

ISBN 978-5-94625-242-3

ХОЗЯИН ОКРЕСТНОСТЕЙ

Речка Барашек за ночь выросла в Барана. Вода, как убегающее молоко, перебиралась через берега, затопляла Семибратскую пойму. Оттого и Семибратскую, что над водой остались семь островов, семь Дубрав.

Женька прикинул на глаз силу потока — половодье как половодье, не шибче прошлогоднего. Свистнул зяблику. Зяблик сидел на голой черёмуховой ветке и рюмил:

— Рю! Рю! — говорил зяблик, одобряя пасмурную, обещающую тепло погоду. — Рю! Рю!

Пепельно-голубая головка, словно капля весеннего неба, в хвосте зелёное пёрышко, грудь коричневая.

— Пинь-пинь-пинь! — вызвенел вдруг зяблик, оповещая всех других зябликов, что место на черёмухе занято.

— Заждался подружку? — спросил Женька и точно так же, как зяблик, по-хозяйски окинул долгим взором окрестности.

Река, леса, Клубничный холм, Заводь — всё это были его владения. На пять вёрст до Язей — ближайшей деревни — Женька один как перст. Ну, конечно, ещё мама и папа, но у них сотня бычков, дом, дела. Одинёшенек Женька, одинёшенек.

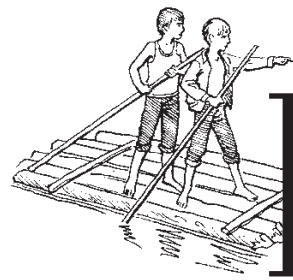
— Крррр-ах! — заскрежетало, треснуло, и Женька увидел чудо из чудес.

За речкой дядька в детской шапочке с розовым помпоном отдирает с окон дома деревянные крестовины. Как только доски отлетали прочь, окно отворялось, быстрые белые руки смывали со стёкол пыль, потом являлись кружевная занавеска и цветок.

Душа у Женьки замерла в ожидании. Он не то что половину, он все свои владения отдал бы за друга. Попробуйте-ка пожить в деревне, где из сорока домов только твой не заколочен!

Дядька освободил для света окна и ушёл. Ветер с реки пробирал до самых малых косточек. Руки стали как кочерыжки. А небо-то уж совсем светлое! В школу придётся бегом бежать.

И тут сердце у Женьки остановилось: набухшая от дождей дверь оживающего дома вздрогнула, подалась и... На крыльцо в голубом, как незабудка, пальто вышла девочка.

ДРЁМА

В класс Женька влетел, когда ребята поднимались, приветствуя учительницу. Плюхнулся на свое место, отпыхался, утёр мокрый чубчик, вытянул ноги, и сладкая истома покатила по телу. Учительница, такая добрая с утра, принялась читать рассказ о весеннем ледоходе. Она читала с выражением, но у Женьки глаза сами собой захлопали, захлопали... И Женька увидел струящийся по светлым пескам Барашек, плот на Барашке, а на плоту себя и Друга. Друг показывал рукою вдаль, и Женька крутил головой, чтобы разглядеть, что там, за синим лесом...

Вдруг с берегов, а может с самого неба, покатила сухой горох. Женька дёрнулся и увидел: все ребята смотрят на него и хохочут.

— Дрёма! Дрёма! — кричали они, веселясь. Женька встал, виновато опустил голову.

— Ты мне однажды, Женя, говорил, что сосчитал шаги от твоего дома до школы. Сколько у тебя получилось? — спросила учительница.

— 18 601 шаг, — сказал Женька, — я потом перемерил, получилось 18 822.

Ребята захохотали пуще прежнего, но учительница спросила их:

— А сколько шагов до ваших домов? Сто, двести, полтысячи? Вы просыпаетесь в половине восьмого, а Женя в шесть утра.

Учительница подошла к окну и сказала:

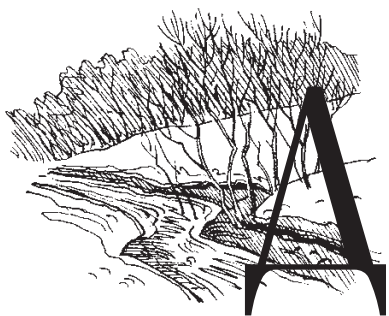
— Ручьи-то как бегут! Ты, Женя, бери сумку и ступай домой, пока дорогу совсем не развезло. С сегодняшнего дня каникулы.

— Ура! — закричали ребята, вскакивая с мест.

Учительница взяла указку и строго поступчала по доске:

— У Жени трудный и долгий путь, а у вас близкий. Сегодня мы с вами будем читать рассказы и стихи о весне. Возьми, Женя, книгу, ты считаешь её дома.

Женька просиял, да тотчас и пожалел ребят. Они хоть и дразнили его Дрёмой, но он любил их.

ВЕСНА

орожка ледяная, держит, а шагни в снег — булькнешь. Под снегом вода. На поля смотреть невозможно: белизна глаза обжигает. От снега идёт не хо-

лод — солнечный ветер. Сколько ни дыши — не надышишься.

Постоял над озерцом, напирющим на дорожку. Выломал в кустах сухую палку.

Борозда получилась узкая, но вода побежала радостно, пуская в глаза Женьке солнечные зайчики.

Женька послушал, как журчит ручей. Ведь что-то говорит. Сколько уж раз слушал он и ручьи, и речку. Ничего не понял. С дороги было видно: река в низине. Туда и бегут ручьи. Вода к воде тянется.

Раза два ухнув — дорожка предательской стала — Женька пересёк наконец поле. Дальше не лес, а так — кусты, ивняк. И всякий пруттик в жемчуге: весна!

Женька подошёл к зарослям краснотала. Он знал: под корою ли или в самой коре этих пруттиков — огонь. Не тот огонь, от которого поленья сгорают, а другой, сокровенный, — глаз ведь не оторвёшь. И в небе был этот огонь. Уж такая синь — даже сердце дрожит, а может, не сердце — душа. Женька вдруг всхлипнул и сам же над собой посмеялся:

— Ну и дурной же я! Хуже девчонки.

Колыхали снега, небо, бездонное, всемирное, было его, Женькино. Он дышал этой синевой, она была в нём, и эти жемчужинки на ивах — тоже в нём, и краснотал. Зимой всяк по себе, а весной весь мир — одно-разъединое сердце.

— Вот как у Бога-то! — Женька опять посмотрел на небо: видит ли его Бог?

И, не умея сказать «люблю», стыдясь по-отрочески этого дивного слова, поцеловал пруттик краснотала. Но душа его знала больше: он целует Творца.

И вдруг... лягушка. Лягушка, разбуженная солнцем, изумрудная, новенькая, выпучив глаза, сидела на снегу.

— Курлы! — сказала лягушка Женьке. — Весна!

— Дзинь-дзинь! Весна! — засвистела синица, садясь на кусты.

И Женька, забывши вдруг все песни, пропел единственное слово, какое в нём теперь жило:

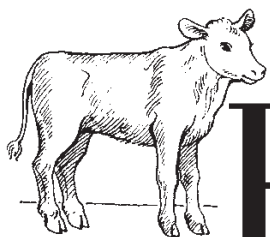
— Весна-а-а!

Он брал выше и выше, пока всё в нём не зазвенело.

— Курлы! — сказала лягушка.

А синица помалкивала — заслушалась.

«К ребятам надо заглянуть», — решил Женька.

ФЕРМА

Бычки, все сто, тянулись к Женьке мордами, и он каждого, чтоб без обиды, почесал между рожками.

— Такие вот дела, парни! — похвастал Женька. — Меня — домой, на каникулы, а язята* за насмехательство в школе сидят.

Ради бычков и воздуха перебралась их семья из города в брошенную деревню Семибратье. Отцу с матерью воздуха почему-то не хватало. На пятнадцатом этаже, у самого

* Язята — ребята из деревни Язи.

неба! Ещё отец говорил: ему в городе сил некуда девать. Вот с бычками только успевай поворачиваться, но отец с мамой радовались работе. Маму одно печалило: бычков откормили — и сдавать надо. Ей хотелось завести коров.

— С коровами труднее, да роднее, — говорила она. — Ты к корове с лаской — она к тебе с молоком.

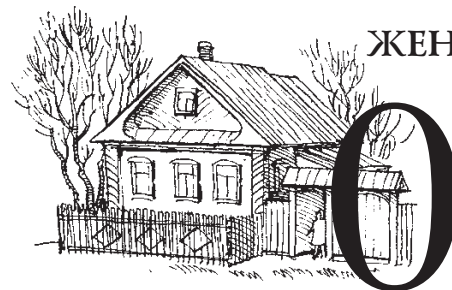
Бычки были уже кормлены, но Женька нагрусил им сенца.

— Ешьте! — и вздохнул. — Невезуха, парни! Приехал бы мальчишка... Летом разыскали бы клад разбойника Ключа. Пустились бы в плавание по Барашку — до Седьмой Дубравы, до плотины. Приручили бы зверей. У лисы взять — лисёнка, у зайчихи — зайчонка, у ежихи — ежонка. Вот тебе и терем-теремок.

Бычки согласно хрумкали сено, иные призадумались.

— Пошёл я, — сказал Женька.

Бычки опять на него посмотрели — все сто. Сочувствовали.

ЖЕНЯ И ЖЕНЬКА

От огорчения Женька залез на печку. Печка у них русская, а на русской печке целое царство уместается.

— Здравствуй, хлебный дух! — шепнул Женька печному теплу.

Хлебный дух был существом невидимым, но родным. Любое огорчение лечил сном, любые слёзы осушал.

— Ты небось спишь? — спросил Женька хлебного духа. — Понимаешь, приехала тут одна...

И до того захотелось поговорить с девчонкой — скакнул с печи и прилип к окошку. Мама у плиты запарилась, но хоть бы слово сказала. А ведь не любит, когда сын бездельничает.

Вот оно! Дверь в доме за речкой отворилась, в дверях заголубело!

Женькины ноги сами собой впрыгнули в сапоги. Шапку, шарф, куртку под мышку... В сенях, однако, опамятовался. Прилично ли так девчонке радоваться? Шапку на затылок, куртку на все кнопки, шарф намотал по-модному — один конец землю подметает.

Шёл к речке Женька нога за ногу, будто на привязи тащили. Девчонка тоже подошла к самой воде. Помолчав, сколько было надо, Женька спросил:

— Ты кто?

— Я?! — голос у девочки был тоненький и еле-еле перелетал над шумливой водой. — Я — Женя.

— Это я — Женя! Женька то есть, — не согласился хозяин окрестностей.

Девочка промолчала.

— А по фамилии как?

— Собакина.

— Врёшь! — рявкнул Женька.

Девочка заморгала, замотала головой.

— Я не вру. Ты тоже Собакин?

— Нет, — сказал хозяин окрестностей. — Я — Кошкин.

«ДОЖДЯ ОТШУМЕВШЕГО КАПЛИ...»

Женька сидел дома и себе на удивление, без маминой подсказки, читал книжку. И какую книжку — стихи!

Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

На окнах дождик проторил дорожки, а вот кукушка не скоро закукует.

Женька вздохнул. Вчера он чуть было не сплеховал перед девчонкой. Женя Собакина кораблик принесла бумажный. Пустила, а его перевернуло. И стал он мусором. Сама расстроилась, и ему захотела настроение испортить:

— Как тут у вас холодно. Земля грязная, речка грязная. Пойду книжку читать.

— Про разбойников? — брякнул Женька.

— Весной я люблю читать стихи, — сказала Женя.

— Про любовь, что ли?

— Серьёзное. Я читаю «Песнь о Гайавате». Ах, есть же на белом свете чудесные страны!

Если спросите, откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов...

Разозлила Женя Собакина Женьку Кошкина: земля грязная, Барашек грязный... Подавайте нам, цыпочкам, чудесные страны. Гаявата какой-то нужен.

Теперь, сидя над стихами А. К. Толстого, Женька вот о чём думал: «Такая беленькая, а глаза такие чёрные».

Удивительно, но он совершенно простил Жене Собакиной, что она... девчонка. Девочка, то есть.

Луна на меня из-за тучи
Смотрела, как будто в слезах;
Сидел я под клёном и думал,
И думал о прежних годах.

Женька тоже попробовал о прежних годах задуматься, но думалось почему-то о вигвамах — в них же индейцы живут — и о Собакиной.

РАЗГОВОРЫ ЧЕРЕЗ РЕЧКУ

С постели и к окошку. Ненастье. Тучи по земле ползут. Не только домов за рекой — реку не видно. А настроение у Женьки не испортилось. Ну ни чуточки!

Теперь, сидя над стихами А. К. Толстого, Женька вот о чём думал: «Такая беленькая, а глаза такие чёрные».

Зелёная трава новёхонько сияла и без солнца.

Женька поскорее умылся, оделся, выбежал на улицу, а солнце тоже по траве соскучилось. Махнуло лучами, как метлой — Женька до реки не успел дойти, а на небе чисто.

Постоял над Барашком. Щепку пустил. Это тебе не бумажный кораблик, даже волны режет. Посвистал себе в удовольствие. В два прямых пальца, в четыре, в два пальца колечком.

Вышла всё-таки.

— Между прочим, — крикнул Женька через реку, — у нас сто бычков.

— А мы будем гусей разводить и пчёл.

— Между прочим, — снова сказал Женька, — в нашем лесу есть пещера разбойников, а в ней мешок золота.

Девочка не удивилась, не испугалась, золота не пожелала, и Женька теперь не знал, о чём ещё можно поговорить.

— Школа далеко? — спросила вдруг девочка.

— Пустяк. Километров шесть, — на километр прибавил он.

И Женя ойкнула:

— Шесть километров!

— Вдвоём весело будет ходить, — утешил Женька. — А если ещё люди приедут, четверо наберётся — машину станут присылать. А уж если человек десять — могут школу открыть.

— Воды в реке больше стало, — сказала девочка.

Понятное дело — дожди, — и тут Женьку за язык дёрнуло:

— Ты в каком классе-то?

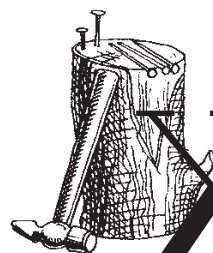
— В четвёртом.

— В четвёртом?! — у Женьки даже коленки подогнулись.

Девочка была махонькая, и он думал... А выходило, что она на целый год умнее. В четвёртом чего стихи не почитать? Небось ни на одном трудном слове не запнёшься. Чеши себе и чеши!

Теперь же мне стали понятны
Обман, и коварство, и зло... —

вспомнились Женьке стихи А. К. Толстого, те самые, про кукушку.

ЗАГУБЛЕННЫЕ ГВОЗДИ

Женькина ложка мелькала, как велосипедная спица в велосипедном колесе. Хлебнул чаю:

— Всё!

И помчался на речку. А ему рукой уже машут с другого берега.

— Мы сегодня борщ ели! — сообщил Женька. — На второе — вареники с творогом. Вареники лучше мамы никто не делает. Мой отец всякую еду пробовал, он во всех странах был, моряк дальнего плавания.

Женя молчала, но Женька не унимался.

— Мой отец уху тройную умеет варить. Ешь — за ушами трещит. А мама блинчики, знаешь, какие печёт? Тоньше папирсной бумаги!

— А ты сам что умеешь? — спросила вдруг Женя.

— Я?! — Женя подумал обо всём своём самом хорошем и со всех ног кинулся домой. Притащил полено, молоток, горсть гвоздей.

— Смотри!

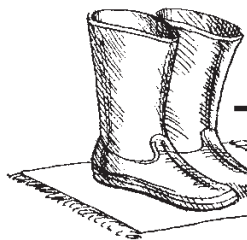
И принялся заколачивать в полено гвозди.

— Раз — наживили! Два — утопили! Три — по шапку!

Гвоздей в руке уместилось штук десять. Женька победно загнал последний, поднял голову и увидел, как затворяется дверь в доме за рекой.

— Гуси-гуси, га-га-га! — закричал Женька самое злое, что пришло на ум.

Поглядел на свою работу: полено испорчено, гвозди истрачены зазря. Нужные гвозди, ценного диаметра. Отец их бережёт.

О САПОГАХ И ДРУЖБЕ

Каникулы, как сон. Закрываешь глаза — целая ночь впереди, открыл — утро.

Началась учёба, началось Женькино уже не хождение — плавание по весенним грязюкам. Отправлялся он в школу затемно.

Женя спала на два часа больше. В половине восьмого приезжал огромный самосвал теплоличного хозяйства. Шофёр за умеренную плату согласился отвозить и привозить Женю.

На перемене девочка подошла к Женьке и сказала:

— Поехали домой вместе.

Женька обрадовался, и они были дома через пятнадцать минут.

— Выходи утром к мосту, — сказала Женя, прощаясь, — вдвоём будем ездить. Дядя шофёр разрешит. Ведь правда, дядя?

Дядя шофёр что-то сказал, но себе под нос.

Утром Женьки на дороге не было. На переменах он убежал, к машине не пришёл.

Женя сказала маме:

— Так нельзя! Я на машине езжу, а Женька пешком ходит.

— Доченька, но ты до школы по такой дороге не дойдёшь. Грязь выше твоих сапог.

— Женька ходит.

— Он в маминых сапогах. А у меня сапог нет.

— Тогда я пойду в папиных! — сказала Женя.

Женя спорила с мамой, а Женька с грязью. Он отправился из школы короткой дорогой и угодил в западню. Грязь так прихватывала сапоги, что Женька дёргался, как рыба на крючке. Пришлось вылезти из сапог.

Босой, в грязи до глаз, явился Женька домой, бросил сапоги у порога и расплакался.

— Жадюля! — кричал он матери. — Денег для сына пожалела.

Утром Женя и Женька поглядывали из высокой кабины на плывущую, похожую на тесто дорогу.

Машина ёрзала влево, вправо, и у Жени свалились с ног завёрнутые пополам отцовские резиновые сапоги.

— Зачем тебе в машине сапоги? — удивился Женька.

— Ты ходишь в маминых, а я буду ходить в папиных.

— Я надел по привычке. Ладно, ты их руками держи, — посоветовал Женька. — А я тебя держать буду. Ещё неделя, и ветер обвеет землю.

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ

Перед обедом мама перекрестилась на икону.

— Вера Герасимовна, ты супец-то тоже перекрести! — усмехнулся отец.

— Пётр Петрович, кончилось время, когда за любовь к Богу с работы гнали.

— Вера Герасимовна, не будем мериться любовью к святому. Я, может, не меньше твоего молюсь! Но не напоказ.

— Пётр Петрович, за хлеб-соль спасибо Богу сказать не стыдно.

Женька не любил, когда отец с матерью по имени-отчеству друг друга величали. Сделал вид — забыл что-то во дворе. Выскочил в сени. Постоял. Сообразил, в какой стороне солнце встаёт, перекрестился.

— Боженька! Пусть они не ссорятся.

А чтоб чего не подумали, достал из кадушки три огурца солёных.

— Да у нас на второе сырники! — удивилась мама.

— Я солёного тоже съем, — взял Женькину сторону отец.

Вроде бы ничего, не рассорились.

— Мы ужасные грешники! — пригорюнилась Вера Герасимовна. — Ведь теперь Великий пост идёт, мясного, молочного есть нельзя. Куличи печём на Пасху, яйца красим, а недостойны праздника.

— Мать, суп твой — объедение, но он хорош, когда горячий.

Вера Герасимовна принялась есть и опять ложку в тарелке забыла.

— Мне бабушка о прадедушке рассказывала. Дело было до революции, но от Бога тогда образованные отвернулись, а дедушка, может, не больно учёный-то был, но имел дар. Работал на фабрике, где духи производили. Хозяин ему платил не скупое. И завёл дедушка моду — деньги нищим раздавать. В церковь не идёт, а на паперти он — король. Нищие в ножки ему кланялись. Было дело, осиротевшему семейству все шубы свои раздал, а наутро похолодало. Вот и простудился. Вроде отболел, так на тебе: не чует нос запахов. Нарочно лук взялся резать. Слёзы текут, а нос — бесчувственная чурка. Узнали нищие о беде своего благодетеля, к дому его толпой пришли, молиться

обещали. А одна старушечка постучалась к нему, когда он всех докторов уже объездил, все надежды свои растерял. «Пойдём, — говорит, — сыночек, помолимся». Он и пошёл. Европейские знаменитости не помогли — без веры. Привела старушка прадедушку в часовенку, а там икона Божией Матери. Обычная икона, а в руке у Благодатной веточка цветущая. Старушка помолилась, прадедушка «Богородицу» прочитал, свечечку поставил. «Приложись», — говорит старушка. Приложился — поцеловал, значит. И чувствует: благоухание в воздухе... Тут он на колени и в слёзы. Как ребялёнок малый заплакал. А благоухание по всей часовенке — икона замироточила. У православных так бывает: миро вдруг на иконах объявляется. Прадедушка уж потом только узнал: икона та именовалась «Неувядаемый цвет».

Съели сырники, запили очень вкусным смородиновым киселём.

Женька сказал:

— Давайте после обеда креститься, хоть по разочку.

Отец глянул на сына, поднялся, перекрестился и прочитал «Отче наш». Мама с Женькой тоже перекрестились. Ничего друг другу больше не сказали, но в доме легко стало.

ТАЙНА

Женька, выходи! — кричал Женька со своего берега.

Воскресенье. Первое апрельское тепло.

— Женька-а-а! — надрывался Женька.

— Фи-и! — дразнил мальчишку скворец. — Не выйдет к тебе девчонка. Не выйдет к хвальбишке.

Но Женька вышла.

— Пошли к мосту. У меня тайна!

— О тайнах не кричат на всю реку, — сказала Женька. — Ладно. Подожди меня.

Женька думал: вот они пойдут сейчас по берегам Барашка и он сто раз её удивит. Чего она знает, кроме своих книжек? Из всего леса ей знакомы ёлки — без ёлки Новый год не бывает — да берёзы, потому что белые.

Женька, ожидая девочку, смотрел на дверь в доме, но открылись ворота. Из ворот вышла зелёная резиновая лодка. Вот они какие, соседи! Уже лодку купили. Женькин отец, когда мама стала говорить, только рукой махнул.

— Зачем нам лодка? Всё лето Барашек Женьке по колено.

Всё-таки интересные люди Собакины: Женькина мама сама перевезла дочку через реку, будто гулять — важное дело.

— Хочешь, Третью Дубраву покажу? — предложил Женька.

— Третью? — удивилась девочка.

Содержание

Хозяин окрестностей.....	3	Приготовление к исповеди.....	89
Дрёма.....	5	Исповедь.....	92
Весна.....	6	Плащаница.....	97
Ферма.....	8	Луковая шелуха.....	101
Женя и Женька.....	9	Пасхальная служба.....	107
«Дождя отшумевшего капли...».....	11	Разговенье.....	112
Разговоры через реку.....	12	Иконы.....	115
Загубленные гвозди.....	15	Неудача.....	120
О сапогах и дружбе.....	16	Огород.....	124
Неувядаемый цвет.....	18	Лето.....	125
Тайна.....	21	За щукой.....	126
Половодье.....	25	Улов.....	133
Соседи.....	27	Пещера разбойника.....	134
Бычий алфавит.....	30	Кузнец-молодец.....	138
Батюшка Илия.....	31	Золото для куполов.....	139
Важное сообщение.....	34	Тираны.....	142
Сеятель.....	37	Огорчения.....	143
Собственник.....	38	Распря.....	146
Женино солнце.....	42	Клубничный холм.....	148
Общая работа.....	43	Леса Чудакова.....	150
Иордань.....	47	Обед с гостями.....	155
Крещение.....	51	Рождественский монастырь.....	158
Слёзы.....	55	Роман Сладкопеев и другие..	165
Гусиный секрет.....	58	Вечер.....	170
Под.....	60	Житие отца Федота.....	172
Еще один урок.....	62	Молитва.....	180
Путешествие, не сходя с места.....	64	Золото.....	185
Мама для гусят.....	65	Праздник.....	186
Вход Господень в Иерусалим..	68	Ясное Оком.....	190
Сон.....	71	Иконописцы.....	193
Бесплодная смоковница.....	74	Белое слово.....	195
Огорчение.....	75	Печник.....	201
Пасхальные тропари.....	77	Дома.....	207
Дом Бога.....	82	Царь грибов.....	209
		Последнее.....	214

Бахревский Владислав Анатольевич
С моего крылечка — речка

Художник Н. Васильев

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*. Редактор *О. Бачурина*. Технический редактор *З. Кондрашова*. Корректоры *Е. Пятаева, О. Назаренко*. Верстка *Ю. Стрельникова*. Подписано в печать 07.08.2008. Формат 60×90 1/16. Объем 13,5 п. л. Тираж 10 000 экз. Заказ № . Издательский Совет Русской Православной Церкви. 119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

Отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин: (499) 245-30-68